

Ганс Христиан Андерсен

Дворовый петух и флюгерный

Стояли два петуха — один на навозной куче, другой на крыше, но спесивы были оба одинаково.

Кто же из них лучше, как по-твоему? Скажи, а мы... останемся при своем мнении.

Птичий двор был отделен от соседнего деревянным забором, а на том дворе была навозная куча, и на ней рос большой огурец, сознававший, что он растение парниковое.

А парниковым нужно родиться! — рассуждал он сам с собой. — Но не всем же родиться огурцами, надо существовать и другим породам. Куры, утки и все население птичьего двора тоже ведь живые твари. Вот стоит на заборе дворовый петух. Он почище флюгерного будет! Тот хоть и высоко сидит, а даже крыльями хлопать не может, не то что петь! Нет у него ни кур, ни цыплят, он занят только самим собою да знай потеет ярью-медянкой! Нет, дворовый петух — вот это петух! Как выступает! Словно танцует! А как поет — музыка! Послушать его, так узнаешь, что значит настоящий трубач! Да, приди он сюда, проглоти меня целиком со стеблем и листьями — вот была бы блаженная смерть!

Ночью разыгралась непогода. Куры, цыплята и сам петух — все попрятались. Забор повалило ветром — шум, треск. С крыши падали черепицы, но флюгерный петух усидел. Он даже с места не сошел и уже не вертелся — не мог, хоть и был молод, недавно отлит. Флюгерный петух был очень разумен и степенен, он и родился стариком и не имел ничего общего с птицами небесными, воробьями и ласточками, которых презирал как ничтожных вульгарных пискуний. Голуби-то побольше, и перья у них отливают перламутром, так что они даже смахивают на флюгерных петухов, вот только толсты они и глупы, думают лишь о том, как бы набить себе зоб, а потому и водиться с ними скучно.

Навещали флюгерного петуха и перелетные птицы. Они рассказывали ему о чужедальних странах, о воздушных караванах и страшные разбойничьи истории про нападения хищных птиц. Это было ново и интересно для первого раза, но затем шли повторения одного и того же, а это уже тоска смертная! Надоели ему они, надоело ему все. Не стоило ни с кем и водиться, все такие нудные, пошлые!

— Свет никуда не годится! — говорил он. — Все сплошная ерунда!

Флюгерный петух был, что называется, петухом разочарованным и, конечно, очень заинтересовал бы собою огурца, знай тот об этом. Но огурец был занят одним только дворовым петухом, и вот этот взял да пожаловал к нему в гости.

Забор был повален ветром, но грома и молнии давно уже не было.

— А что вы скажете об этом вот моем крике? — спросил у кур и цыплят дворовый петух. Малость грубоват он был, без изящества.

И куры с цыплятами вступили вслед за петухом на навозную кучу. Петух шагал вразвалку, словно кавалерист.

— Садовое растение! — сказал он огурцу, и тот сразу уразумел, как всесторонне образован петух, и даже не заметил, что его клюнули.

Блаженная смерть!

Подбежали куры и цыплята, у кур ведь всегда так: куда одна, туда и другая. Они кудахтали, пищали, любовались на петуха и гордились, что он из их породы.

— Ку-ка-ре-ку! — закричал он. — Цыплята сейчас же сделаются взрослыми, стоит мне прокукарекать об этом навесь мировой курятник.

Куры и цыплята закудахтали, запищали, а петух объявил великую новость:

— Петух может снести яйцо! И знаете, что в нем? Василиск! Никто не может выдержать его взгляда! Люди это знают, а теперь и все вы знаете, что есть во мне, знаете, что я всем петухам

петух.

И дворовый петух захлопал крыльями, встопорщил гребешок и опять закукарекал. Кур и цыплят даже озноб прошиб, так им было лестно, что один из их семейства — петух из петухов. Они кудхтали и пищали так, что даже флюгерному петуху было слышно, но он и не пошевелился. Все ерунда! — говорил он сам себе. — Никогда дворовому петуху не снести яйца, а что до меня, то я просто не хочу! А захотел бы, то снес бы яйцо ветряное! Но мир не стоит ветряного яйца! Все ерунда! Я и сидеть-то здесь больше не хочу!

И флюгерный петух надломился и слетел вниз, но дворового петуха все-таки не убил, хоть и норовил, как уверяли куры.

Мораль?

Лучше петь петухом, чем разочароваться в жизни и надломиться!